

С. А. Троицкий

ОЧЕРК ИСТОРИИ ИЗУЧЕНИЯ НАРОДНОЙ КУЛЬТУРЫ В РОССИИ

В России народная культура стала предметом внимания ученых сравнительно недавно, около двух столетий назад. В конце XVIII — начале XIX в. в орбиту науки вступает проблема изучения славян, славяноведение становится областью исследования. В контексте славянской культуры в целом изучалась и русская народная культура. Так, в рамках славяноведения появляются первые исследования, затрагивающие вопросы происхождения, содержания, законов существования русского фольклора, исследуются и публикуются собранные фольклорные произведения ([1–2] и др.). Появление этих работ тесно связано с процессом национальной самоидентификации славян вообще и русских в частности. Комплексное изучение культурных особенностей славянских народов приводило к раскрытию особенностей фольклора каждого из них и его влияния на фольклор соседей. Исследование украинской, чешской, польской культур способствовало выявлению не только общеславянских, но и общекультурных процессов, тенденций, категорий и принципов.

Все это происходило на фоне борьбы многих народов за независимость. «Славянский вопрос» ставился мыслителями достаточно остро, невозможность и вместе с тем необходимость его скорейшего решения способствовали социальной напряженности внутри Российского государства. Рост сепаратистских настроений среди входивших в состав Российской империи славянских народов (прежде всего среди поляков) в период правления Николая I, названный во многих исследованиях реакционным, приводил к сублимации процессов национальной самоидентификации в русло формирования государственной консервативно-шовинистической идеологии, т. е. к изменению содержания самоидентификации (место культурной занимала государственная идентификация). Так появилась предложенная министром народного просвещения графом С. С. Уваровым «теория официальной народности» (А. Н. Пыпин), позволявшая государству, по мнению ее автора, контролировать процессы усиления прославянских настроений в обществе, а самим настроениям — существовать легально.

Однако отношение российского государя к идее объединения славян по-прежнему оставалось достаточно настороженным¹, что объяснялось памятью о событиях польского восстания, стремлением избежать осложнения отношений с союзником России — Австрийской империей, которая была не склонна потворствовать сепаратистским настроениям славян. Несмотря на это, согласно российскому университетскому уставу 1835 г. на первом (гуманитарном) отделении философских факультетов основных университетов были открыты кафедры истории и литературы славянских наречий, ставшие, среди прочего, центрами изучения дисциплин, предметом которых являлся фольклор. В этот период сложились основные направления исследования:

Троицкий Сергей Александрович — канд. филос. наук, ст. преподаватель, Санкт-Петербургский государственный университет; e-mail: sergtroy@yandex.ru

¹ Например, в 1847 г. был подготовлен одобренный царем циркуляр для попечителей учебных округов, где утверждалось, что идеи объединения славян вредны.

© С. А. Троицкий, 2013

этнография, история, языкознание, фольклористика. Большую роль в повышении общественного интереса к фольклору сыграла идеология славянофильства, представители и сторонники которой сами занимались сбором фольклорного материала, его публикацией и осмыслением. Особенно можно отметить деятельность К. С. Аксакова ([3] и др.; см. также: [4, с. 31–34]), П. В. Киреевского [5–6], а среди поздних славянофилов — О. Ф. Миллера и др. В период подготовки крестьянской реформы (отмены крепостного права) интерес к народному (крестьянскому) быту особенно усилился ([7–10] и др.).

Уже в середине XIX в. складываются культурологические школы, способствовавшие осмыслению, обработке накопленного фактического материала. Так, можно выделить мифологическую, культурно-историческую, историко-лингвистическую, сравнительно-историческую школы русской культурологии, занимавшиеся исследованием народной культуры. Названия школ достаточно условны и большей частью обязаны методологии, использовавшейся их представителями.

Мифологическая школа (Ф. И. Буслаев, А. Н. Афанасьев, О. Ф. Миллер, А. А. Котляревский и др.). Исходным пунктом изучения фольклора в рамках данного подхода является исследование представлений народа об устройстве мира, заключенных в форму мифологии. Ф. И. Буслаев, родоначальник русской мифологической школы, не разделяя крайних взглядов своих немецких коллег — представителей немецкой мифологической школы братьев Гримм, тем не менее, так же как и они, предполагал, что в основе культуры лежит именно мифо-поэтическая картина мира, настаивал на том, что ранняя книжность тесно связана с народными мифологическими представлениями. Представители мифологической школы, в большинстве своем уверенные в универсальности законов развития фольклора, первыми в России занялись сравнительным изучением грамматических основ индоевропейских языков; при этом практически все они (исключение составляет лишь О. Ф. Миллер) отрицали славянофильскую концепцию об исключительности исторического пути России и русской культуры. Основой культуры народа является язык, благодаря изучению которого можно заглянуть в самый ранний период народной истории. «Названием, — пишет Ф. И. Буслаев, — запечатлевалось верование или событие, и из названия вновь возникали сказание и миф» [11, с. 8–9]. Во многом именно мифологическая школа в лице старших мифологов, прежде всего Ф. И. Буслаева с его установкой на необходимость изучения языка, определила направление исканий других исследователей XIX в. Большой заслугой представителей мифологической школы в развитии фольклористики, кроме прочего, была работа по сбору фактического материала. Результатом ее явилось, например, ставшее классическим собрание русских народных сказок А. Н. Афанасьева.

Положения мифологической школы вызвали критику со стороны представителей идеологии западничества, прежде всего со стороны *историко-юридической школы*, в частности К. Д. Кавелина. Исходным пунктом размышлений приверженцев этого направления было предположение о первичности юридических форм в истории народа, поэтому учение о языке как основе культуры подверглось критике. Заподозрив представителей мифологической школы в излишнем славянофильствовании, преувеличении роли лингвистического начала в культуре, К. Д. Кавелин обратил внимание на то, что народ заимствует языковые элементы из другой культуры только в том случае, когда это органически необходимо для его развития. Это положение позже было развито А. Н. Веселовским.

Все школы XIX в. стремились к историческому изучению явлений фольклора, однако принципы рассмотрения и трактовки фольклорного и этнографического материала разнились. Так, развитием позитивистских идей в фольклористике и этнографии стала русская *культурно-историческая школа*, основанная А. Н. Пыпиным и представленная В. В. Плотниковым, Н. С. Тихонравовым, С. А. Венгеровым, — наверное, самое многочисленное направление XIX в. Основатель этого направления во Франции И. Тэн стремился, используя позитивистскую методологию, сделать литературу, культуру, искусство предметом научного изучения, оградив от нападков и презрительного отношения со стороны естественнонаучно ориентированных ученых. Вслед за ним русские ученые-позитивисты — представители культурно-исторической школы — стали изучать произведения фольклора как исторические памятники, не принимая во внимание их эстетические достоинства или отсутствие таковых. Действительно обладающие высокой художественной ценностью произведения были приравнены к весьма посредственным. Установка на точность, достоверность, фактичность, оказавшая положительное влияние на формирование образа профессионального исследователя народной культуры, способствовала тщательному и качественному сбору материала, но вместе с тем и редукционизму в его трактовке (см., напр.: [12–13]). Фольклор, культура сводились к формам общественного сознания. В отличие от лингвоориентированных школ Ф. И. Буслаева и А. А. Потебни, «культурно-историческая школа в России носила обществоведческий и народоведческий философский характер» [14, с. 31]. Методология этого направления имела главенствующее значение в советской фольклористике.

Определенным синтезом идей мифологического и культурно-исторического направлений фольклористики явилась *сравнительно-историческая школа* А. Н. Веселовского. Начав свою деятельность как мифолог и учтя критику — прежде всего со стороны А. Н. Пыпина — в отношении мифологической школы, А. Н. Веселовский тем не менее обратил внимание на историю литературы, определенным этапом которой считал фольклор. При этом литература, по его мнению, неразрывно связана с различными формами народной духовной деятельности, такими как мифология, фольклор, прикладное искусство и т. д.

Другое направление развития лингвистической установки мифологической школы представляет *психолингвистическая (историко-лингвистическая) школа* А. А. Потебни. В своих работах [15–16], опираясь на опыт предшественников, он стремился сделать предметом объективного научного исследования результат субъективной психологической жизни человека. Исходя из этого стремления, А. А. Потебня ставит новые для русской фольклористики проблемы, определившие дальнейшие исследования: соотношение языка и мышления, языка и нации, происхождение и развитие языка в контексте истории народа и др. Благодаря ему получают развитие такие направления мысли, как философия языка, теория словесности.

Помимо научных школ большой вклад в изучение народной культуры внесли различные исторические общества. Этот вклад пока до конца не осмыслен, и его серьезный анализ требует отдельной исследовательской работы.

Собиранием древних рукописей, исторических документов, их изданием и изучением занимались *Археографическая комиссия* при Министерстве народного просвещения (образована в 1834 г., существовала до 1922 г.) и археологические общества, первым из которых возникло *Московское общество истории и древностей*. Задачей

последнего, с самого его основания в 1804 г. и до окончательного закрытия в 1890 г., в основном была аналитическая и издательская деятельность, археологические же изыскания носили случайный и подчиненный теоретической работе характер. Гораздо больше внимания изучению и сохранению памятников материальной культуры, в том числе и произведений прикладного искусства, по которым можно было бы воссоздать и быт народа в древности, уделяли более поздние археологические общества, такие как *Императорское одесское общество истории и древностей*, занимавшееся изысканиями на Юге России, и, конечно, *Императорское русское археологическое общество* в Санкт-Петербурге. Оно было основано в 1846 г. и довольно быстро приобрело большой научный авторитет, способствовавший утверждению археологии как самостоятельной дисциплины. В Обществе состояли и сотрудничали с его периодическими изданиями лучшие историки того времени (по состоянию на 8 января 1890 г. Общество насчитывало 260 членов, в числе которых были И. Е. Забелин, Д. А. Ровинский, В. Г. Тизенгаузен, И. И. Срезневский, П. И. Савваитов и др.), при Обществе действовали Музей и библиотека. В 1864 г. появилось *Московское Императорское археологическое общество*, которое, помимо проведения изысканий, способствовало и обмену опытом между учеными посредством проведения археологических съездов. К уже упомянутым можно добавить и *Общество кавказской археологии*, *Псковское археологическое общество*, *Церковно-археологическое общество* при Киевской духовной академии и др. Работа обществ способствовала формированию научных школ, сбору материала, систематизации полученных данных, оформлению отраслей исторического знания и шире — обществоведению и гуманитарных наук. Во многом благодаря деятельности археологических обществ складывается этнография, которая выделена как отдельная дисциплина уже в названии *Казанского общества археологии, истории и этнографии* (основано в 1878 г.), результатом работы которого стали классические труды по этнографии, такие как «Славяно-финские культурные отношения по данным языка» М. П. Веске [17], «Очерк культурной истории южных славян» И. Н. Смирнова [18] и др.

Развитию интереса к изучению традиционной русской культуры способствовало создание *Московского общества древнерусского искусства и Императорского общества любителей древней письменности*. Последнее работало настолько интенсивно, что к 1902 г. насчитывалось 120 томов опубликованных рукописей и 148 томов «Памятников общества любителей древней письменности», а само общество к 1914 г. насчитывало 180 членов. Благодаря деятельности членов Общества по изучению фольклорных произведений и описанию народной жизни оформлялись в качестве самостоятельных научных дисциплин история культуры, этнография, фольклористика и др. Помимо исследования классических областей народной жизни члены Общества обращались к ранее не вызывавшим интереса проявлениям народной культуры. Так, П. Н. Тиханов, обратившись к анализу «блатного» языка, подготовил к печати рукопись словаря языка нищих, воров, создав своеобразный аналог «Словаря живого великорусского языка» В. И. Даля.

Сбор фольклорных произведений производился с использованием новейших технических средств, что позволяло фиксировать не только содержание и структуру фольклорного текста, но и ритмику, и мелодию, и темп исполнения. Например, около 400 песен записал на фонограф член музыкально-этнографической комиссии при *Московском обществе любителей естествознания, антропологии, этнографии* М. Е. Пятницкий. В 1910 г. им был организован хор для исполнения народных песен, который

в советское время получил имя основателя. Одновременно с хором М. Е. Пятницкого существовали и другие хоровые коллективы, исполнявшие фольклорные произведения. Так, в 1883 г. впервые выступил хор, организованный А. А. Архангельским, который и гармонизировал большую часть входящих в репертуар народных русских песен. Деятельность хоров способствовала популяризации и сохранению народных произведений песенного характера.

Благодаря работе собирателей фольклора русская фольклористика второй половины XIX в. сделала немало интересных открытий, было заложено основание для сравнительного анализа произведений из разных областей. В это время один за другим выходят в свет ставшие впоследствии авторитетнейшими сборники фольклора: в 1872–1885 гг. — «Причитания Северного края», записанные Е. В. Барсовым в Карелии в 1867 г. [19]; в 1861–1867 гг. — сборник «Песен», записанных П. Н. Рыбниковым во время ссылки в Петрозаводск [20]; в 1873 г. — «Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 г.» в экспедиции, в которую он выезжал с целью проверки записей П. Н. Рыбникова [21]. К 1908 г. относится запись В. Н. Гартвельдом песен сибирских каторжан.

Полученный фактический материал способствовал оформлению фольклористики как науки, развитию этнографии. На трудах ставших академиками еще до революции А. А. Шахматова, А. Н. Веселовского и др. начала строиться славистика в советский период. В первое советское десятилетие изучение народной культуры было обосновано идеологически, поэтому любое обращение к этой теме вызывало поддержку. Однако вместе с тем происходил процесс идеологизации фольклористики, этнографии, славистики, завершившийся к началу 1930-х годов, когда прошел цикл диспутов по вопросу об определении предмета фольклористики. Она была названа разделом марксистско-ленинского литературоведения. Такое сокращение проблемного поля, приведение дисциплины в подчиненное состояние влекло за собой обеднение результатов научных изысканий, а вслед за тем — поиск новых путей исследования. Некоторые ученые, которые в силу обстоятельств оказались в это время за границей, могли работать более или менее независимо, как, например, П. Г. Богатырев, связанный с Пражским кружком Р. О. Якобсона и внесший большой вклад в изучение народной культуры южных славян. Другие, как, например, К. В. Чистов, Д. К. Зеленин, В. М. Жирмунский, пытались преодолеть однобокость официальной теоретической установки, расширяя ее рамки внутри системы. Генетический метод, широко применявшийся в советской фольклористике первой половины XX в. (О. М. Фрейденберг, В. Я. Пропп), позволил объяснить связь между фольклорными произведениями и мифами, добиться результатов, предвосхитивших появление западной структурологии.

В это время исследованиям в области народной культуры официальной наукой уделялось большое внимание. Проводились полевые исследования, был создан Институт этнографии, обсуждалась возможность открытия Института фольклористики. Этнография и фольклористика являлись академическими дисциплинами и преподавались в вузах, фольклорный материал собирался, классифицировался, изучался и активно публиковался. Работа с произведениями традиционной народной культуры приветствовалась; например, в 1936 г. в ЛГУ М. И. Шахнович защитил диссертацию «Русские пословицы и поговорки как исторический источник», в которой проявил себя не только как грамотный специалист, но и как высокоталантливый исследователь. Работа была высоко оценена, и за нее было присвоено сразу две степени — кандидата

исторических и кандидата филологических наук. Работы М. И. Шахновича по фольклористике, этнографии, религиоведению внесли большой вклад в теоретическую базу изучения народной культуры.

Развитию наук о народной культуре в 1920-е — 1930-е годы способствовал расцвет лингвистических теорий, в частности провозглашение палеонтологии языка Н. Я. Марром. Однако после Великой Отечественной войны в конце 1940-х годов в связи с борьбой за чистоту марксистско-ленинской науки начинается кампания против фольклористов, этнографов, лингвистов. Изгнание из институтов и университетов, лишение возможности работать, аресты и т. д. — все это привело к отрицательным результатам, к застою в науке, которая смогла оправиться от удара лишь к середине 1960-х годов, когда появились условия для создания новых теоретических моделей, возможности для оригинального взгляда на ту или иную научную проблему, для публикации текстов, которые раньше не могли быть напечатаны. Большую роль в этом возрождении сыграла Тартусско-Московская семиотическая школа, в рамках которой объединились виднейшие представители гуманитарных наук, а в «Трудах по знаковым системам» публиковались ранее неизвестные тексты, в том числе и на темы, относящиеся к народной культуре.

Заметным, знаковым событием стало появление книги М. М. Бахтина «Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Возрождения» [22], в которой — пожалуй, впервые в российской науке — на материале европейского средневековья была предпринята попытка проанализировать народную культуру как самостоятельное явление. Книга вызвала большой резонанс в академическом сообществе. В качестве ответа на нее были написаны работы А. Ф. Лосева «Эстетика Возрождения» [23], А. Я. Гуревича «Проблемы средневековой народной культуры» [24] и др. Наряду с критикой, теория М. М. Бахтина встретила и поддержку сторонников, прежде всего в лице сотрудников Пушкинского Дома Д. С. Лихачева, А. М. Панченко, Н. В. Понырко и др., попытавшихся применить модель М. М. Бахтина к исследованию русской народной культуры. Эта попытка, в свою очередь, вызвала критику с самых разных сторон от С. С. Аверинцева до представителей Тартусско-Московской семиотической школы Ю. М. Лотмана и Б. А. Успенского. Благодаря развернувшейся полемике оформились две традиции изучения народной культуры, которые по географическому признаку можно условно назвать московской школой (это критики М. М. Бахтина) и ленинградской (это его сторонники и последователи). Обе школы в одинаковой степени способствовали выработке подхода к народной культуре. Смещение акцента в поле философско-культурологического исследования народной культуры, предпринятое М. М. Бахтиным, способствовало выделению ее в самостоятельный предмет изучения, отдельный от славяноведения, этнографии, фольклористики.

Литература

1. Собрание 4291 древних российских пословиц. М., 1770. 244 с.
2. Древние русские стихотворения. М.: Тип. С. Селивановского, 1804. 324 с.
3. Аксаков К. С. О древнем быте у славян вообще и у русских в особенности: (По поводу мнений о родовом быте). Москва: Тип. А. Семена, 1852. 139 с.
4. Анненкова Е. И. Проблемы взаимосвязи истории и народного творчества в фольклористической концепции К. С. Аксакова // XXVI Герценовские чтения. Литературоведение. Научные доклады. Л., 1973. С. 30–34.
5. Русские народные песни, собранные П. В. Киреевским. Вып. 1–10. М., 1860–1874.

6. Русские народные песни, собранные П. В. Киреевским. Новая серия. Вып. 1–2. М., 1911–1928.
7. *Даль В. И.* Картины из русского быта // Современник. 1856. № 9–12; 1857. № 7–8.
8. *Даль В. И.* Картины из русского быта // Отечественные записки. 1856. № 12; 1857. № 1, 6, 8–11.
9. *Осокин С.* Народный быт в северо-восточной России // Современник. 1856. № 9–12; 1857. № 1–2.
10. *Успенский Н.* Очерки народного быта // Современник. 1858. № 5, 8; 1859. № 2, 4, 10; 1861. № 1.
11. *Буслаев Ф. И.* О влиянии христианства на славянский язык. Опыт истории языка по Остромирову Евангелию. М.: Университетская типография, 1848. 212 с.
12. *Пытин А. Н.* О русских народных сказках // Отечественные записки. 1856. Т. CV, кн. 3/4. Отд. II. С. 41–68; Т. CVI, кн. 5. Отд. II. С. 1–26.
13. *Пытин А. Н.* История русской литературы: в 4 т. Т. 1. Древняя письменность. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1898. 484 с.
14. *Трофимова Р. П.* История русской культурологии. М.: Академический проект; Триеста, 2003. 608 с.
15. *Потебня А. А.* Из записок по русской грамматике. Т. 1–2. Воронеж, 1874. 161+549 с.; Т. 3. Харьков, 1899. 670 с.; Т. 4. М.; Л., 1941. 318 с.; Т. 4, вып. 2. М., 1977. 406 с.
16. *Потебня А. А.* Мысль и язык. СПб.: И. Огризко, 1862. 191 с.
17. *Веске М. П.* Славяно-финские культурные отношения по данным языка // Известия Общества археологии, истории и этнографии. Казань, 1890. Т. 8, вып. 1. С. 1–103.
18. *Смирнов И. Н.* Очерк культурной истории южных славян: в 3 ч. Казань: тип. Императорского ун-та, 1900–1904.
19. Причитанья Северного края, собранные Е. В. Барсовым: в 3 ч. Ч. 1–2 / Изданы при содействии Общества любителей российской словесности. Ч. 1. М., 1872. 328 с.; Ч. 2. 335 с. М., 1882; Ч. 3. Чтения в Имп. О-ве истории и древностей российских. Кн. 3–4. М., 1885.
20. Песни, собранные П. Н. Рыбниковым: в 4 ч. М.: Тип. А. Семена, 1861–1867. (Ч. 1. 1861. 524 с.; Ч. 2. 1862. 354+CCCLXXIV с.; Ч. 3. 1864. 462 с.; Ч. 4. 1867. 390 с.).
21. Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 г. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1873. LIV с., 1336 стб.
22. *Бахтин М. М.* Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Возрождения. М.: Худ. лит., 1965. 543 с.
23. *Лосев А. Ф.* Эстетика Возрождения. М.: Мысль, 1978. 623 с.
24. *Гуревич А. Я.* Проблемы средневековой народной культуры. М.: Искусство, 1981. 359 с.

Статья поступила в редакцию 25 октября 2012 г.